
КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Н.В. Соколова

Кафедра русского языка
Медицинский институт
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В.В. Воробьев

Кафедра русского языка
Юридический институт
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу некоторых продуктивных интенсификаторов в современном русском медийном дискурсе, трактуемых в аспекте теории функциональной грамматики. Рассматриваются нормативные аспекты и новые явления в сфере употребления интенсификаторов в медиаречи.

Ключевые слова: интенсивность, интенсификатор, функционально-семантическое поле, медийный дискурс.

Говоря об оценочных структурах разных типов, авторы получившего широкую известность труда «Теория функциональной грамматики» обращают внимание на то обстоятельство, что «анализ оценочной тематики таких высказываний в отношении к описательному плану содержания показывает, с одной стороны, зону четко выраженных относительных сравнений, а с другой — зону нормативных абсолютных оценок, включая чисто эмоциональные, а также неустойчивость этого разграничения. Взаимодействие формы с оценочными и дескриптивными элементами высказывания делает возможным выражение тонких оттенков оценочных суждений и служит для передачи как объективно-рациональной, так и субъективно-характеризуемой ситуации» [7. С. 152].

Функционально-семантическое поле интенсивности («предельности» в понимании А.В. Бондарко) включает в себя, например, такие интенсификаторы, как *самый, очень, абсолютно, весьма, достаточно, довольно*, функционирование которых в современном медийном дискурсе будет интересно проследить.

В последние десятилетия экспрессивные высказывания, выходящие за рамки нормативного словоупотребления, перестали быть принадлежностью бытовой речи, они звучат по радио, с экрана телевизора. Это явление стало настолько распространенным, что исследователи медийного дискурса ставят вопрос об экспансии разговорности в современных СМИ [4; 5]. Действительно, проникновение разговорных и просторечных элементов в язык радио и телевидения стало яркой приметой современного медийного дискурса.

С одной стороны, это явление связано с тем, что в эфире значительное место теперь занимает спонтанная устная речь с характерными для нее ошибками в со-

четаемости слов и в образовании форм слов [4. С. 82]. С другой стороны, журналисты и их гости, говорящие в микрофон, стремятся в первую очередь выразить свое отношение к сообщаемому, дать субъективную оценку информации, что часто невозможно сделать без выражения оценки ситуации как максимально хорошей, так и максимально плохой, т.е. для выражения превосходной степени качества. Такая субъективная оценка выражается при помощи экспрессивных средств различных уровней языка. Вполне закономерно авторы «Теории функциональной грамматики» пришли к выводу о том, что «субъективно-характеризуемая информация вытесняет из живой современной речи объективно-рациональную информацию» [7. С. 1].

Трудно не согласиться с В.В. Виноградовым, который, анализируя употребление форм превосходной степени, еще в середине XX века пришел к выводу о том, что для стремящегося выразить свое мнение «по отношению к “лучшему” и “худшему” никакое усиление качества не кажется преувеличенным» [1. С. 216]. И в современном медийном дискурсе мы обнаруживаем примеры, подтверждающие правоту В.В. Виноградова (1):

1. В СССР сложился *очень превосходный кинематограф* (интервью с С. Бабуриним).
2. Работа в Думе — *очень жуткая работа* (интервью на радио «Эхо Москвы).
3. *Очень замечательно*, мама («Модный приговор»).
4. *В самое ближайшее время* договор будет подписан (ведущий радиостанции «Эхо Москвы»).
5. Докапываться до *самых мельчайших подробностей* его подсознательной жизни (из беседы с психологом на радио «Эхо Москвы»).

Во всех приведенных примерах интенсификаторы (очень, самый) избыточны и не соответствуют норме сочетаемости слов в первых трех случаях, нормам образования форм слов — в остальных. Конструкциями «в самом лучшем случае», «самый худший вариант» пестрят радио- и телепередачи. В свое время, приведя значительное количество примеров, когда классики русской литературы от Н.М. Карамзина до В.В. Маяковского использовали подобные «дефектные» конструкции форм превосходной степени прилагательных, В.В. Виноградов выражал надежду на то, что они «малоупотребительны и расцениваются как погрешность» [1. С. 211]. При этом ученый заметил, что слово «ближайший» частично «выпало из системы форм сравнения» слова «близкий» [1. С. 212]. Таким образом, мы наблюдаем процесс семантического расхождения двух форм слов.

В современном словаре зафиксировано слово «лучший» как *сравнительная* и *превосходная* степень к «хороший» с примерами рекомендованного употребления: «самый лучший друг», «климат здесь <...> самый лучший». И только словосочетание «более лучший» оценено как недопустимое в современной литературной речи [6. С. 383]. Приведенные примеры, очевидно, свидетельствуют о серьезных изменениях в семантике указанных имен прилагательных (*ближайший*, *лучший* и др.). Любопытен следующий пример:

6. В Китае обнаружен *самый старейший из старейших музыкальных инструментов*. Это — флейта, ей 9000 лет (радио «Эхо Москвы»).

Получается, что среди «старейших» есть еще и «самый старый» инструмент. Но ведь он просто самый старый (из *всех* известных в настоящий момент на Земле). Использование двух форм превосходной степени («в квадрате»!) выражает экспрессию, необходимую для привлечения внимания слушателей (зрителей, читателей) к содержащейся в сообщении информации.

Аналогичные примеры с другими интенсификаторами свидетельствуют о том, что аффективность оказывается сильнее объективно-логической информации:

7. А.Д. Сахаров — человек *абсолютно уникальный* (телеведущий А. Максимов).

Прилагательное «уникальный» имеет значение «единственный в своем роде, неповторимый» [3. С. 775]; наличие при этом слове интенсификатора избыточно и является знаком не только экспрессии, но и «разговорности».

8. Памятник на могиле А.П. Чехова стоит часто в воде. *Особенно пагубным* является то, что эта вода зимой замерзает (телеканал «Культура»).

Прилагательное «пагубный» имеет значение «очень вредный, губительный» [3. С. 453]. Может ли быть что-либо более или менее пагубным? Очевидно нет, но интенсификатор «особенно» в значении «исключительно, наиболее» уже не выглядит рядом с этим прилагательным явно нарушающим современные нормы сочетаемости.

9. Может быть, толстые журналы — это *сугубый феномен* русской духовной и интеллектуальной жизни («Независимая газета»).

Прилагательное «сугубый» уже не употребляется в устаревшем значении «вдвое больший, двойной» и функционирует как интенсификатор в значении «очень большой, особенный» [3. С. 722] или «исключительный», что иллюстрирует приведенный пример.

10. Вещи — имитанты хорошего дизайнерского уровня, но *крайне среднего качества* («Московские новости»).

Если качество действительно «среднее», то оно уже не может проявляться в той или иной степени, и наличие интенсификатора свидетельствует об употреблении прилагательного «средний» в значении «посредственный». Это значение зафиксировано в словарях [3. С. 705], однако сочетание слов «крайне средний» воспринимается как оксюморонное и при этом экспрессивное, несущее яркую отрицательную оценку.

Аффективность, о которой писали и В.В. Виноградов, и Е.М. Вольф [2. С. 98], порождает в живой разговорной речи и такие конструкции, которые бесспорно не соответствуют норме:

11. *Как же гораздо легче* играть спектакли! (из телепередачи с актрисой О. Кабо).

Кроме того, в определенных ситуациях говорящие стремятся сгладить категоричность оценки, исходя из этикетных и иных соображений. И тогда говорящий оказывается в противоречивой ситуации, когда он стремится высказать свою оценку, с одной стороны, максимально ярко, экспрессивно, а с другой — смягчить

ее, как бы пугаясь категоричности, заложенной в значении интенсивности или высокой степени проявления признака и порождая тем самым следующие «гибриды»:

12. Менингит — это *достаточно очень быстрая* инфекция (телеинтервью сотрудника департамента здравоохранения).

13. Зарплата бюджетников в регионе выросла достаточно, *на около более тридцати процентов* (информационная программа «Время»).

14. Этот фильм уже *совсем почти русский*: режиссер решил рассказать историю из жизни эмигрантов (Е. Плахова, газета «Московские новости»).

Подчеркнем, что перестановка интенсификаторов в примере 14 («почти совсем») дала бы вариант, вполне нейтральный для разговорной речи. Этот пример отличается от приведенных выше еще и тем, что в нем, возможно, оценка совмещена с иронией, которой не было бы при другом порядке наречий-интенсификаторов. Однако чаще «смягчающие» слова стоят в позиции перед интенсификатором. В примере 12 представлено наречие «достаточно», которому несвойственна функция интенсификатора в нормативной речи. Однако специалисты по культуре речи давно фиксируют у этого слова значение, близкое к «значительно, до некоторой, возможно большой, степени, но не слишком», отсутствующее в словарях. В указанном примере оно «смягчает» категоричность интенсификатора «очень». Рассмотрим другие примеры со словом «достаточно» (аналогично используется «довольно»), имеющее значение «до некоторой степени, порядочно» [3. С. 159].

15. Не могу привыкнуть к словечку «достаточно», как, например, во фразе *«ситуация достаточно плохая»* (интервью В. Аксёнова, программа «Времечко»).

16. Мы провели *достаточно «отвязанную»* кампанию. Сегодня она мне кажется *излишне азартной и брутальной* («Новая газета»).

17. Отрасль находится в *достаточно тяжелом положении* (беседа на радио «Эхо Москвы»).

18. Хор Пятницкого сыграл *довольно вредную роль* в установлении традиций исполнения народных песен (А. Агамиров, радио «Эхо Москвы»).

Пример 15 напоминает о том, что использование «достаточно» в качестве интенсификатора не соответствует нормам литературной речи, но при этом широко распространено в устной речи. И примеры 12, 16, 17 показывают, как проникает в медийный дискурс, становится все более распространенным (а значит — привычным для многих слушателей и читателей) такое использование слова, которое не признается ни словарями, ни грамотными, образованными носителями языка нормативным, правильным. Интенсификатор «достаточно» во всех указанных примерах (а также «довольно» в примере 18) служит для смягчения отрицательной оценки, основные же значения этого слова («в той мере, в которой удовлетворяет потребностям, необходимым условиям; в нужном количестве») в указанных контекстах не реализуются. Можно предположить, что наречие «достаточно» в качестве интенсификатора будет употребляться чаще и со временем носители языка все меньше будут осознавать несоответствие такого употребления нормам хорошей речи.

Ориентация на разговорную речь и просторечие, характерная для медийного дискурса конца XX в. — начала XXI в., широкое распространение спонтанной устной речи в СМИ делают достоянием публики такие интенсификаторы, которые раньше относились исключительно к сфере просторечия и не могли появиться в медийном дискурсе (как и «достаточно»):

19. Психологическая совместимость — *дико сложная проблема* (НТВ).

20. В *шибко аналитической* программе «Время» вот какой диалог произошел между Шереметом и Невзоровым (С. Тарощина, «Новая газета»).

Использование в последнем примере просторечного «шибко», имеющего явную ироническую окраску, симптоматично и служит одним из проявлений ориентации медийного дискурса на разговорность и просторечие.

Итак, широкое использование интенсификаторов, ранее характерных для непубличной, ненормированной речи, изменения в структуре лексических значений слов, обилие ошибок, характерных для спонтанной устной речи, превалирование субъективно-характеризуемой информации над объективно-рациональной, постепенное вхождение в норму тех языковых явлений, которые еще недавно осознавались носителями языка как ненормативные, можно считать яркими чертами современного медийного дискурса.

Нам остается только согласиться с мнением О.Б. Сиротининой: «В средствах массовой информации происходит сдвиг в представлении об эталоне хорошей речи: хорошей начинает считаться речь, непохожая на прошлую. При этом, с одной стороны, широкое распространение получает именно устная речь — непринужденное говорение, но, с другой стороны, ведущую роль начинает играть прежде всего реакция на прежние представления об эталоне хорошей речи, отталкивание от него. Постепенно это новое: речевая раскованность и свобода не только взглядов, но и выражений, превращается в эталон хорошей телевизионной речи, а потом и хорошей речи вообще» [5. С. 549].

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) В статье дается сквозная нумерация примеров (*Ред.*).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1986.
- [2] *Вольф Е.М.* Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // *Вопросы языкознания*. — 1986. — № 2.
- [3] *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М., 2013.
- [4] *Сиротинина О.Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. — Саратов, 2013.
- [5] *Сиротинина О.Б.* Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // *Русский язык сегодня*. Активные языковые процессы конца XX века. — М., 2003.
- [6] *Скворцов Л.И.* Большой толковый словарь правильной русской речи. — СПб., 2007.
- [7] *Теория функциональной грамматики: Качественность, количественность / Под ред. А.В. Бондарко.* — СПб., 1996.

LITERATURA

- [1] *Vinogradov V.V.* Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove. — M., 1986.
- [2] *Volf E.M.* Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov xorosho/ploxo // *Voprosy yazykoznanija*. — 1986. — № 2.
- [3] *Ozhegov S.I. i Shvedova N.Yu.* Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. — 4-e izd., dop. — M., 2013.
- [4] *Sirotinina O.B.* Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski. — Saratov, 2013.
- [5] *Sirotinina O.B.* Horoshaya rech: sdvigi v predstavlenii ob etalone// *Russkiy yazyk segodnya. Aktivnye yazykovye proczessy koncza XX veka*. — M., 2003.
- [6] *Skvorczov L.I.* Bolshoj tolkovyj slovar pravilnoj russkoj rechi. — SPb., 2007.
- [7] *Teoriya funkczionalnoj grammatiki: Kachestvennost, kolichestvennost / Pod red. A.V. Bondarko*. — SPb., 1996.

CATEGORY OF INTENSITY IN THE MODERN MEDIA DISCOURSE

N.V. Sokolova

Russian Language Department
Medical Institute
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

V.V. Vorobyov

Russian Language Department
Institute of Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of some productive intensifiers in a modern Russian media discourse treated in the aspect of the theory of functional grammar. Standard aspects and the new phenomena in the sphere of the use of intensifiers in the media speech are considered.

Key words: intensity, intensifier, functional and semantic field, media discourse.